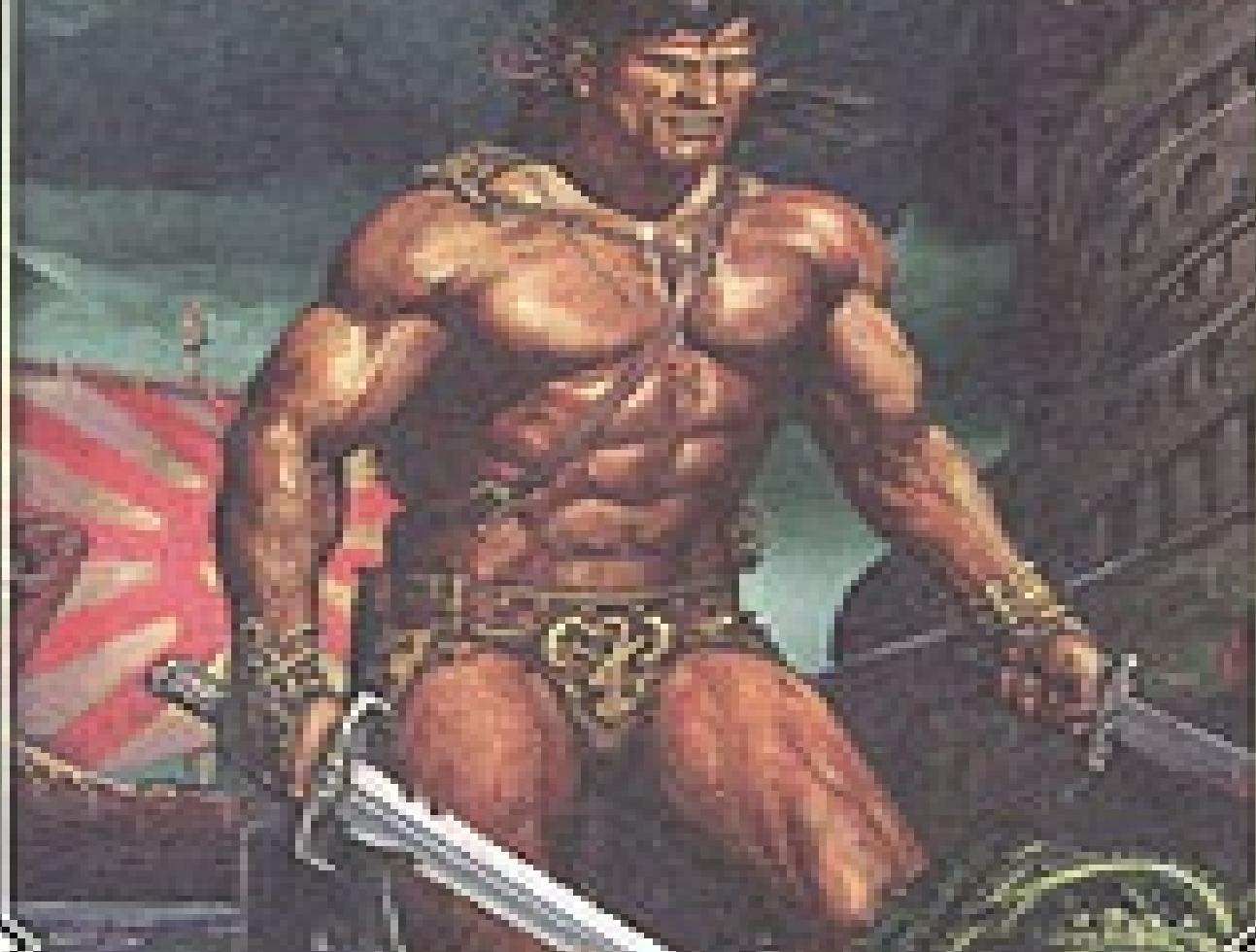

СИКСПЕЛ-Э

КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ

-Северо-Запад-

Annotation

Конан помогает Ньорду, главе клана асов, сразиться с таинственным медведем-оборотнем убивающим женщин и детей...

- [Кристина Стайл](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
-

Кристина Стайл Оборотень

ГЛАВА 1

Тризну справляли в доме Ньорда. Хотя его дружины не поспела к битве, в которой сложили головы и сам Вулфер, и все его воины, а потому в клане Ньорда некого было оплакивать, но бывалый асирский воин любил своего соседа и давнего друга, как родного брата. Он не был виноват в том, что не успел привести дружину вовремя: им помешала засада. Да и не вина терзала его сердце, а сильная боль от невосполнимой утраты.

Ньорд уже не помнил, почему они враждовали с Браги – ваниром, жившим по другую сторону гор, естественной границы между Ванахеймом и Асгардом. Так было всегда. Враждовали их отцы, деды, прадеды. Кровная вражда в Нордхейме, разделенном ныне на две страны, могла продолжаться столетия. Еще в раннем детстве Ньорд знал, что ближайший сосед-ванир – враг, этому же он обучил и своих детей. Правда, биться им теперь, похоже, не с кем: все войско Браги и его старшие сыновья тоже полегли на том поле брани. Теперь в клане врага остались лишь старики да дети. Женщин можно не считать. Ни один асир никогда не будет воевать с женщиной. Но и в клане Вулфера, старого испытанного друга, теперь тоже только женщины, дети, подростки да старики. А значит, забота о них лежит на его, Ньорда, плечи.

Сильным и богатым вождем был Ньорд. Его дружины насчитывала несколько сотен воинов, которые не только с почтением относились к своему предводителю, но и искренне любили его за смелость, мужество, справедливость. Ни разу не было случая, чтобы Ньорд нечестно поделил между ними добычу, ни разу он не наказал никого просто из-за плохого настроения. Дом, выстроенный для дружины, был не менее прочен и удобен, чем дом самого Ньорда, а на их столах всегда стояла та же еда, что и у вождя.

Окрестные рыбаки, охотники, мастеровые тоже тянулись к Ньорду и старались селиться как можно ближе к его дому, чтобы быть под его защитой. А он только приветствовал это, ибо нуждался в их умелых руках. Боги наделили Ньорда острым умом, блестящей смекалкой. Он довольно быстро понял, как лучше договориться со всеми этими людьми, и вскоре на его подворье выросли кузницы, столярни, кожевни, помещения для ткачей, склады. Он защищал вольных поселенцев и всячески помогал им, а те, в свою очередь, с удовольствием подносили ему плоды своего труда.

Хорошие мастера строили дом Ньорда. Он получился большим, просторным, удобным. Более ста шагов в длину и не меньше пятидесяти в ширину, правильной прямоугольной формы, с двумя дверями: на восход солнца и на закат. Двери, выходившие на восход, предназначались для женщин, ибо те вставали рано, чтобы успеть переделать все дела по хозяйству и не мешать при этом мужчинам, день которых начинался намного позже. В середине дома располагался большой зал. Здесь собирались военные вожди, когда подходила пора начинать поход, тут справляли свадьбы и праздники, здесь же сейчас шла тризна по погибшим друзьям.

Высокие бревенчатые стены украшало оружие и охотничий трофеи. В центре был установлен огромный стол на массивных ножках. Вдоль него тянулись скамьи, на которых сидели воины, каждый на строго отведенном ему месте, а во главе стола высилось кресло, покрытое шкурой белого медведя, убитого еще отцом Ньорда. Кресло всегда занимал сам вождь.

Стол был накрыт обильно, а женщины все подносили и подносили на больших

деревянных блюдах жареное мясо, запеченную и вареную рыбу, дичь. В круглых мисках дымялись каши, возле лавок стояли бочонки с медом и хмельным ячменным пивом. Мужчины уже успели захмелеть и говорили все разом, не слушая друг друга, каждый о своем.

На почетном месте возле вождя сидел его гость – Конан. Он был единственным, кто вышел живым из той бойни. Еще совсем недавно он служил в турецкой армии, но из-за нелепой ссоры с офицером, закончившейся для того уходом на Серые Равнины, был вынужден бежать. Добравшись до родной Киммерии, варвар недолго прогостили там. Его родное селение было разрушено врагами много лет назад, никого из близких не осталось в живых. Конан побродил по стране, побывал у друзей, а потом отправился к давнему приятелю отца – асиру Вулфера. Но в доме Вулфера он прожил всего несколько дней, и когда тот отправился на битву со своим давним врагом Браги, пошел вместе с ним.

Битва была ужасной. Казалось, воины приглашены на пир к самой Смерти. И все, упившись ее кровавым вином, полегли на приготовленном ею ложе. Только двоим не ударили в голову страшный хмель: Конану и Хеймдалу – старшему сыну Браги. Они сошлись в последнем поединке, и киммериец победил. Но Имир, грозный бог нордхеймцев, послал к непокорному варвару свою дочь, прекрасную Атали. Красивая и коварная ледяная дева чуть не погубила Конана. Она попыталась отдать его своим братьям, но не появилась еще в мире сила, которая могла бы сломить могучего киммерийца. Он выстоял и против детей Ледяного Гиганта.

А потом его, израненного и обмороженного, разыскала подоспевшая дружина Ньорда. Старый седой воин Горм растер варвара и вернул его к жизни. Ньорд пригласил Конана пожить в своем доме, и тот охотно согласился. Теперь он сидел по правую руку хозяина и сосредоточенно поглощал темное пиво и обильную еду. Побывав за свою пока еще не очень долгую жизнь (ему совсем недавно минуло двадцать два года) во многих странах, варвар пробовал и более изысканную пищу, и тонкое терпкое вино, которого не знали в этих заснеженных краях, но густое ячменное пиво, напоминавшее ему то, что когда-то так умело варила его мать, показалось Конану живительной влагой. Оно как будто текло по жилам и наполняло усталое тело силой и мощью.

Крепкими белыми зубами он рвал куски мяса, обжаренного сверху и полусырого внутри, разламывал одним движением хребты печеной рыбе, обрызгиваясь при этом обильным соком, разлетавшимся во все стороны, смачно пережевывал румяные лепешки. Руками, испачканными жиром, варвар брал высокий вместительный кубок и опрокидывал в свою ненасытную утробу то хмельной ароматный мед, то горькое пиво, столь любезное его душе и желудку. Он мог подолгу обходиться без еды, и не раз ему случалось неделями довольствоваться сухарями, крошечными кусочками вяленого мяса и несколькими горстями родниковой воды, но, если выпадал случай как следует подкрепиться, киммериец поглощал такое количество еды, которого хватило бы десятку крепких здоровых мужчин.

Нельзя сказать, что он один отличался завидным аппетитом. Женщины сбились с ног, торопясь убрать со стола блюда, полные обглоданных костей, и поставить новые. Жареное мясо сменялось рыбьей икрой, копченой лосиной и медвежатиной, хрустящими солеными грибами, зайчатиной, приправленной острыми специями, купленными еще весной у захожего торговца. Чем больше пищи исчезало в бездонных желудках, тем больше требовалось пива и меда, чтобы залить бушевавший в утробах пожар.

Ньорд, сосредоточенно работая челюстями, задумчиво смотрел на сидевших за длинным столом воинов. Почти все уже были пьяны, а жир и сок, текущие по всклокоченным бородам,

капали на стол. Тризна, начавшаяся печально и торжественно, постепенно превратилась в обычный пир, где пьют, смеются, горюют, ссорятся, клянутся в вечной дружбе. Асиры, в большинстве своем открытые, дружелюбные и веселые люди, не умели подолгу горевать. Недаром у них существовала древняя пословица: «Живи сегодня, потому что завтра ты можешь умереть». Трудная жизнь в суровых условиях, частые стычки с врагами, кровожадные хищники, в изобилии водившиеся в лесах и горах – все это делало смерть частой гостью в их домах, и потому тоска об усопших быстро сменялась думами о живых.

– О чем задумался, Ньорд? – повернулся Конан к вождю.

– Не знаю, – пожал плечами седой воин. – Обо всем сразу. Прежде мне приходилось отвечать только за своих людей, и воинов, и поселенцев. А сейчас и клан Вулфера – моя забота. Нашей дружбе много лет. Еще отцы, и мой, и его, бились рука об руку. У него остались малолетние сыновья. Это теперь мои дети.

– Да, – согласился варвар. – Это непросто. Но ты возглавляешь такой сильный клан, что эта задача тебе вполне по плечу.

– Ладно, – махнул рукой Ньорд. – Заботы сами меня найдут. А сейчас я хочу отдохнуть. Пойдем завтра на охоту?

– Отчего ж не пойти? А на кого?

– Вот завтра и решим. В наших лесах полно зверья. Лисы сейчас хороши. За зимнюю лису торговцы много товару дают. А повезет, так и оленя завалим.

Ньорд снова обвел взглядом пиршественный зал. Гулянье потихоньку затухало. Кто-то из воинов уже отправился спать, кто-то, ткнувшись лицом в недоеденный кусок мяса или рыбы, хранил прямо за столом. Изредка раздавались короткие вскрики: кого-то душили кошмары, вызванные чрезмерным обжорством. Ньорд усмехнулся и тяжело поднялся из-за стола.

– Будешь ночевать с воинами или подготовить тебе гостевую комнату? – обратился он к Конану.

– С воинами. Так мне лучше.

– Ступай тогда, отдохни. А я схожу к охотникам, чтобы они приготовили нам лыжи. Оружие подберем для себя сами. Завтра.

Без лыж в зимнем лесу охотникам делать нечего. Снег в этих местах выпадал такой обильный, что в него запросто проваливался по грудь рослый мужчина. Асиры, несмотря на внешнюю веселость и беспечность, были людьми серьезными и запасливыми. Хороший охотник всегда готовил к зиме несколько пар удобных и легких лыж. Делать их было вроде и несложно, но так только казалось. Асгардских мужчин Боги не обидели ни ростом, ни мощью, и потому лыжи должны были не только хорошо скользить, но и выдерживать значительный вес. Подведут они – и погиб охотник, станет сам добычей хищника.

Для лыж брали прочную и одновременно достаточно податливую древесину, чтобы ее можно было правильно обработать. Бревно раскалывали на множество дощечек, которые затем тщательно обстругивали до необходимой толщины и ширины. Отмечали середину и на определенном расстоянии от нее снова обстругивали дощечку так, чтобы она стала тоньше середины почти вдвое. Когда рамка для лыж была готова, в ней делали отверстия для поперечников, а затем и сами поперечники. Потом веревкой обматывали оба конца рамки, сгибаю ее, затягивая веревку, и держали над паром. Пар размягчал дерево, в подготовленные отверстия вставляли поперечники и, уложив рамку на ровное место, передний ее конец загибали кверху. Пока древесина просыхала, из оленевой шкуры делали ремни. Шкуру посыпали древесной золой и обмазывали болотной тиной. Затем ее очищали и растягивали.

Когда мягкая и гибкая кожа была готова, из нее резали длинные широкие ремни. Они шли на середину лыж, куда ставили ногу. Для передней и задней части рамы вполне подходили более тонкие ремни, которые вырезали из остатков шкуры. Это было довольно грубое изделие, но вполне надежное и удобное.

Перебрав несколько пар лыж, Ньорд выбрал наконец те, что счел подходящими для себя и Конана. Он отложил их в сторону и сказал одному из охотников:

— Эти для меня и моего гостя. Мы завтра идем охотиться. Вдвоем.

Затем вождь развернулся, отогнал пинком собаку из тех, что всегда в большом количестве жили возле охотников, и тяжелой поступью направился в отдельную комнату, где обычно отдыхал и куда строго-настрого запрещалось входить кому бы то ни было без особого разрешения хозяина.

Конан тем временем, удобно устроившись на ложе, покрытом волчьими шкурами, и укрывшись легким и теплым одеялом, подбитым беличьим мехом, крепко спал. Несмотря на огромное количество поглощенной им пищи и выпитого меда и пива, его не мучили никакие кошмары. Он спал без сновидений вообще.

ГЛАВА 2

В доме ванирского вождя тоже справляли тризну, но по другой дружине – по дружине Браги. Поселения ванирских и асирских воинов были очень похожи и отличались лишь тем, что в Ванахейме строили отдельные дома для рабов (в Асгарде не признавали рабства, оно бытовало лишь в Ванахейме) и женщин. С женщинами ваниры обращались ненамного лучше, чем с рабами, считая их существами низшими, созданными Богами лишь для того, чтобы рожать сыновей, а также обиживать и ублажать своих хозяев – мужчин. И только к беременным женщинам относились чуть-чуть получше. Ведь если она вынашивала сына, то на какое-то время, пока он не переставал от нее зависеть, женщина оказывалась необходимой.

Суровые, молчаливые, кровожадные ваниры ценили только мужчин-воинов и с раннего детства воспитывали мальчиков особо. Уже за несколько дней до рождения сына будущей матери каждое утро подносили чашу, наполненную свежей кровью. Она опускала в нее руки и держала их там, разговаривая с ребенком, поясняя ему, что не надо бояться крови, ее вида и запаха. Затем, вынув руки из чаши, она слегка обтирала их, но обязательно оставляла тоненькие полоски под ногтями, чтобы ребенок не отыкал от крови ни на мгновение. Считалось полезным, чтобы беременная женщина присутствовала при наказании и даже казни рабов, чтобы родившийся мальчик знал, что жизнь низших существ ничего не стоит.

Затем, когда ребенку исполнялось три года, ему приносили поиграть едва вылупившихся птенцов. Как всякий малыш легко и беззаботно ломает свои игрушки, так ванирские мальчики, не думая ни о чем, ломали крылья и лапки несчастным созданиям, выдергивали у них перья, сворачивали шеи. Позже птенцов заменяли взрослыми птицами и маленькими зверьками, каждый раз нахваливая отпрыска, если он сумел растерзать живое существо достаточно быстро.

С шести-семи лет отцы начинали брать сыновей в море на промысел. Старшие гарпунили рыбу и даже охотились на крупных морских зверей, а младшие упивались необычным для них кровавым зрелищем. Видя, что отцы получают удовольствие от своих деяний, дети быстро привыкали к тому, что все содеянное отцами – хорошо.

Но только зрелищами воспитание будущих воинов не ограничивалось. С тех же шести лет мальчику впервые давали в руки лук. Он должен был обучиться долго держать его на вытянутой руке, сначала одной, а затем другой, чтобы они развивались одинаково. Потом его учили натягивать тетиву и пускать стрелы в цель. Одновременно мальчик впервые в жизни брал в руки кинжал. Сначала целью была нарисованная мишень, а лет с десяти уже достаточно безжалостное создание получало свою первую жертву. Юный охотник выходил в достаточно просторный двор, куда, словно зверя, выпускали немощного, а значит, ненужного хозяину раба. Как поразит жертву мальчик – стрелой или ножом, не имело значения, был бы точен удар.

Если ребенок успешно справлялся с задачей, то, уничтожив несколько жертв, он переходил к следующим урокам: его обучали обращаться с мечом. Годам к пятнадцати он уже становился вполне опытным воином, и его брали в поход. Как только он обагрял свой меч кровью первого убитого им врага, юноша мог считаться мужчиной и любая порабощенная женщина становилась его добычей.

Старый Зимурд, сидя за почти пустым столом, вспоминал, как он растил своих

мальчиков, как мечтал, что они наконец-то расправятся с извечным врагом – асирскими соседями, как радовался, видя силу, храбрость и красоту сыновей. Он даже по-своему неплохо относился к их женам, ибо те рожали лишь мальчиков, и вот уже десять лет ни одна девочка не осквернила своим криком стены старого дома. А что теперь? За поминальным столом сидят три малыша. Старшему едва сравнялось десять зим, а младший только-только произнес первые слова. Где они, красавцы-сыны? Все стали добычей воронов.

Зимурд положил тяжелую пегую голову на сморщеные ладони со скрюченными пальцами и вздохнул. Когда-то давно его волосы горели начищенной медью, а в глазах пыпал огонь. Он был беспощаден к врагам, суров с рабами, ненасытен в отношениях с женщинами. Много пролил он крови, выпил целое море пива, наловил столько зверья, что можно было бы накормить всю страну, накопил большие богатства. Не сомневался он, что все это останется сыновьям и внукам. Но нет больше сыновей. А внуки малы и слабы. Кто научит их жизни? Сам он уже не мог держать в руках оружие. Приди сейчас враг – некому заступиться за слабых и беспомощных. Вырвет он последние корни клана и уничтожит их.

Неожиданно в зал, в котором за поминальным столом сидели старик и мальчики, ворвалась немолодая уже женщина и крикнула:

– Зимурд! Началось!

Глава клана встрепенулся. Жена старшего сына, Хеймдала, правда, теперь уже вдова, вот-вот должна была родить. Может, все не так плохо? Появится еще мальчик. Четвертый. Старшенькому уже десять. Года через три он сможет держать в руках меч, а еще через пару лет станет вполне крепким воином. Добра в доме накоплено немало, не на одну дружину хватит. Вот он ее и возглавит. А там, глядишь, и другие подрастут. И возродится клан, вновь засияет его слава, вновь затрепещут враги. Тогда можно и на Серые Равнинны отправляться. А пока есть еще дела на этом свете. Нельзя оставлять клан без головы. И старик поднял кубок:

– За мужчин. За храбрых воинов.

Резким движением отправил он в глотку хмельной выдержаный мед, медленно прожевал кусок копченого мяса и вдруг резко поднялся. Впервые в жизни, а он встретил уже почти семьдесят зим, им овладело такое нетерпение, что он решил отправиться в женский дом, чтобы самому приветствовать первый крик внука – воплощения возродившейся надежды.

Женщины встретили его недоуменными взглядами, но никто не сказал ничего, да и ни одна женщина этого клана никогда не осмелилась бы задавать вопросы, а тем более перечить главе рода. Лишь бабка-повитуха нахмурилась и шепнула своей помощнице:

– Нехорошо это. Мужчине здесь не место. Быть беде. Та лишь молча кивнула в ответ и повернулась к роженице. Повитуха пожала плечами и громко крикнула:

– Эй! Кто-нибудь! Подкиньте дров! Должно быть жарко, как в бане, а мы скоро мерзнуть начнем! И воду, воду-то несите!

Замерзнуть в комнате, где должен был родиться ребенок, мог разве что тот, кого душила лихорадка. Огонь в печи пыпал так жарко, что воздух казался густым и тяжелым и обжигал легкие. На устланном лучшими мехами и тонким полотном ложе лежала молодая женщина, черты лица которой, по-видимому, очень привлекательные, исказила жуткая гримаса боли. Пышные темно-каштановые волосы были спутаны, по лицу, на котором несмотря на немыслимую жару проступила мертвенная бледность, струился пот, покерневшие от запекшейся крови губы были искусаны и распухли так, что выглядели безобразным темным пятном. Она тихо стонала.

— Ты кричи, кричи, милая, — посоветовала повитуха. — И тебе легче будет, и ребеночку.

Женщина, казалось, не слышала ее, и только тонкие пальцы судорожно сжимали мягкое беличье одеяло. По огромному животу время от времени пробегала судорога, и тогда роженица снова и снова закусывала истерзанные в лохмотья губы. Ноги, согнутые в коленях, дрожали. Вдруг женщина закричала, и старый Зимурд невольно вздрогнул: этот крик нисколько не напоминал человеческий. Так мог кричать дикий зверь, почувствовавший приближение смерти.

Повитуха кивнула помощницам, и те протянули женщине два полотенца, но она даже не взглянула на них.

— Держись за полотенца! — приказала повитуха, — И тужься. Сейчас полегчает. Да ноги раздвинь. Задавиши ребенка.

Женщина посмотрела на нее мутным взглядом. Неожиданно ее глаза заблестели, и она тихо, но внятно произнесла:

— Я умру.

— Ничего с тобой не случится. Слушай меня, и все скоро закончится.

Но роженица уже не слышала ее. Пустые глаза уставились в потолок, руки лихорадочно перебирали тонкий мех. Мучительно медленно тянулось время, и Зимурд вдруг совершенно неожиданно для себя понял, что, окажись он на месте будущей матери, скорее всего, не выдержал бы этой пытки.

Женщина снова закричала, и от этого полукрика-полурычания у старика застыла кровь в жилах. Живот роженицы дернулся и заходил ходуном. Повивальная бабка зажгла пучок какой-то пахучей травы и начала окуривать комнату едким дымом. Когда у всех от непереносимой вони паленой травы выступили слезы, повитуха не то заговорила, не то запричитала, старательно выговаривая слова древнего заклинания. Ее помощницы положили руки на шевелящийся живот роженицы и, уловив знакомую только им фразу, резко нажали на него. Женщина завопила что есть мочи, и на мгновенно подставленные руки повивальной бабки вдруг вывалился красно-лиловый мокрый комок, который тут же пронзительно заверещал. Роженица выпрямилась на ложе, как мертвец, закрыла глаза и замерла.

Зимурд вытянул шею, стараясь рассмотреть только что родившегося внука, но видел лишь спины женщин, обступивших повитуху. Какое-то внутреннее, непонятное ему чувство не позволяло старику задавать вопросы. Он бросил взгляд на вдову своего сына. Тонкое полотно, на котором она лежала, медленно багровело под струей темной крови, фонтаном бившей оттуда, откуда только что появился младенец. Лицо женщины приобрело синеватый оттенок, грудь едва вздыхала. Похоже, она и правда умирала, но это вовсе не занимало Зимурда. То едва уловимое тепло, которое он ощутил по отношению к ней, когда смотрел на ее страдания, улетучилось, как только раздался крик ребенка. Теперь старика занимал лишь внук.

Повитуха, что-то все время приговаривая, обмыла новорожденного и, положив его на вытянутые руки, повернулась к Зимурду.

— Боги послали тебе девочку, — торжественно провозгласила она.

Старику показалось, что земля уходит из-под его ног, в глазах потемнело, кровь застучала в висках. Ярость, закипевшая в душе, ослепила и оглушила его. Зимурд вскинул над головой руки, сжатые в кулаки, и закричал:

— Будь она проклята! Будьте прокляты вы все!

Он резко развернулся, едва не потеряв при этом равновесия, и, громко хлопнув дверью,

кинулся на улицу. Порыв ветра чуть не сбил его с ног, но Зимурд устоял и быстрым шагом направился к своему дому. Ворвавшись в зал, он плюхнулся в кресло, стоявшее во главе стола, и внезапно почувствовал, что силы покинули его.

Зимурд долго сидел, внимательно глядя на внуков, и думал о том, за что же так покарали его боги. Теперь у врага есть повод для радости. В клане Вулфера остались не только женщины да старики. Там подрастают юноши, которые вот-вот станут сильными воинами. Коварный асир не взял их в последний бой, и теперь его род не угаснет.

Неожиданно Зимурд встрепенулся, словно какая-то удачная мысль посетила его, взял кубок, осушил его одним глотком и уставился на старшего внука. Мальчик тоже смотрел на деда, будучи не в силах отвести взгляд. Вдруг холод пробежал по спине ребенка: в мутных, давно потерявших свой цвет глазах старика загорелся желтый огонь, а на тонких сухих губах заиграла недобрая улыбка.

ГЛАВА 3

Конан пробудился чуть свет, однако Ньорд, к немалому удивлению варвара, оказался уже на ногах. – Конан, мы сегодня поставим капканы на лис и двинемся дальше в лес. Охотники говорят, что видели неподалеку лосей.

– Лосей? Никогда не пробовал охотиться на них.

– Ты хорошо стреляешь из лука? – поинтересовался асир.

– Неплохо.

– Подбери себе подходящий, – предложил гостеприимный хозяин. – И на всякий случай стрел возьми побольше. Меня потом найдешь во дворе. Надо подготовить капканы.

Пока Конан с восторгом осматривал оружейную Ньорда, забыв обо всем на свете, асир сложил во дворе костер из смолистых хвойных веток, подкинул в него несколько совсем свежих лап и, когда от костра повалил густой пахучий дым, подержал в нем капканы и цепи к ним. У лис острое чутье, и запах железа они могли бы уловить издалека. Опытный охотник никогда не поставил бы капканы, не подготовив их перед этим.

Затем Ньорд окликнул проходившую мимо по двору женщину и попросил принести ему несколько кусков свежего сырого мяса, обязательно с кровью. Одним из них он собирался натереть руки и подошвы сапог, чтобы на капканах не осталось запаха человека и лисы не уловили следов охотников. Второй кусок предназначался для приманки.

Снегу выпало много, и мыши, которых маленькие хищники успешно ловили прежде, попрятались в норках. Так что голодные лисы наверняка захотят отведать кусочек мяса. Когда варвар наконец-то присоединился к асиру, тот уже был вполне готов отправиться в лес. Ньорд протянул Конану лыжи:

– Наденешь, когда войдем в чащу. Умеешь с ними обращаться?

– Приходилось когда-то, – усмехнулся киммериец. – Но очень давно.

– Если хоть раз вставал на лыжи, – успокоил его Ньорд, – то справишься. Ну, пошли.

Пора.

Приятели, один из которых по возрасту годился другому в отцы, направились к лесу. Было самое начало зимы. Дни стояли морозные и солнечные. Ослепительно белый и еще пушистый снег покрывал землю ровным ковром, сверкавшим тысячами крошечных холодных искорок. Прозрачный бодрящий воздух как будто сам вливался в легкие, придавая силы. Высокие стройные сосны и тяжелые мрачные ели выделялись на белом фоне замысловатым ярко – и темно-зеленым узором.

Но охотников вовсе не занимала окружавшая их красота. Мужчины внимательно смотрели себе под ноги, отыскивая следы рыжих хищников. Наконец они увидели несколько протоптанных маленькими лапками тропинок, аккуратно выкопали ямки, установили капканы с приманкой и присыпали их снегом, так чтобы кусочки мяса выглядывали из него.

– Лиса – хитрый и умный зверь, – сказал Ньорд. – Почти такой же умный, как волк. Она никогда не идет напролом. Во всем, что она видит впервые, для нее таится опасность. Так что сюда нам лучше вернуться через день, не раньше. Рыжие бестии будут долго принююхиваться. Но в конце концов жадность победит. – Он вдруг расхохотался: – Совсем как ваниры! Недаром ведь и те, и другие – рыжие!

Конан тоже рассмеялся. У него было прекрасное настроение, и любая шутка, даже весьма сомнительного качества, сейчас развеселила бы его. Давно не приходилось

киммерийцу вот так бродить по заснеженному лесу просто для своего удовольствия. Его жизнь была полна опасностей и приключений. Варвар любил их. Тихая спокойная жизнь казалась ему до того пресной и скучной, что он согласился бы один сразиться с целым сонмищем демонов, но только не прозябать в покое и уюте. Однако любому человеку, даже такому отчаянному, как Конан, нужно было отдыхать, хотя бы иногда. И он вовсю наслаждался. Красота суровых гор и вечнозеленых лесов была сейчас ему милее, чем ослепительная красота любой женщины, терпкий холодный воздух дарил больше веселья, чем самое изысканное вино, даже любимое красное виноградное. Киммериец был полон жизни, здоровья и сил так, что, казалось, еще чуть-чуть – и они начнут плескаться через край. Он с хрустом потянулся:

– К Нергалу и тех, и других! Никуда им от капкана не деться. Давай поищем добычу покрупнее. Ты говорил, где-то есть лоси?

– Ну уж оленя-то я тебе точно обещаю. А вот лосей сам не видел. Охотники рассказывали.

– Олена так олена, – согласился Конан. – Чего ж мы стоим? Думаешь, он сам к нам прибежит? Идем.

Когда-то, еще юношой, Конан охотился на оленей и помнил, что в это время года эти обычно пугливые животные становятся злобными и даже опасными. Вырастающие ранней весной рога к началу зимы превращаются у оленей в грозное оружие, острое и необычайно прочное. Да и характер у них заметно портится. Самцы рыскают по лесам в поисках достойного противника, стремясь ввязаться в драку. Их ведет могучий инстинкт, жажда убийства. Днями напролет, забывая про еду и питье, они пытаются отыскать соперника и, когда тот наконец появляется, мгновенно вступают в поединок. Нагнув сильные, красивые головы, поглядывая друг на друга налитыми кровью огромными карими глазами, самцы замирают на какое-то время, словно испытывая выдержку друг друга. Но вот один из них не выдерживает и бросается вперед. Битва начинается. Обычно она заканчивается гибелью обоих, ибо крайне редко один олень насаживает на рога другого. Чаще всего их рога намертво сцепляются, и соперники уже никогда не могут разъединиться. Тогда им остается только одно: стоять бесконечно долго и ждать смерти от голода. Но это не останавливает их, и каждый раз с наступлением зимних холодов олени, забыв обо всем, мечутся по лесам, уничтожая все на своем пути, в поисках гибели. Своей или чужой – это им неведомо. Боги не даровали им способности мыслить.

Однажды Конан видел такой поединок. Охотясь в одиночку, он вышел на небольшую поляну, откуда доносился громкий стук, словно кто-то лупил палкой по промерзшему дереву. Его изумленному взору открылось необыкновенное зрелище: два могучих лесных красавца исступленно толкали лбами друг друга. Снег вокруг них был истоптан так, что всюду виднелась черная земля, ярко-красные языки вывалились изо ртов, в глазах, обычно кротких и добрых, горел огонь ненависти. Конан подошел к ним совсем близко, ибо даже не догадывался о грозившей ему опасности. Его вело любопытство. Олени заметили его и замерли в нерешительности, словно обдумывая, не разобраться ли им сначала с человеком. Но инстинкт оказался сильнее, и уже через несколько мгновений они снова не замечали ничего, кроме друг друга. Самцы разошлись по разные стороны поляны, разбежались и снова с оглушительным треском ударились лбами, стараясь зацепить противника и повалить его на землю.

Сейчас варвар вспомнил об этом и начал прислушиваться: не донесет ли ветер звуки

битвы. Но все было тихо, и охотники все дальше и дальше уходили в лес, держа наготове луки. Вдруг Ньорд замер, вытянув шею и взглядываясь куда-то вдаль. Потом он коснулся рукава своего спутника и приложил палец к губам. Рукой, в которой он держал оружие, асир показывал вправо. Конан взглянул туда: на чистом снегу отчетливо виднелись глубокие следы раздвоенных копыт, совсем свежие. Киммериец кивнул, и они с Ньордом пошли по следу. Вскоре они услышали треск ломавшихся веток и увидели, как шевелятся кусты. Олень был где-то совсем близко.

— Приготовься, — шепнул асир. — Как только мы его увидим, стреляй. Меться в грудь или в шею.

Конан пожал плечами и вынул из колчана стрелу. Он не стал объяснять Ньорду, что уже охотился на оленей и знает, где находятся самые уязвимые места животного. Здесь надо действовать, а не спорить.

Несмотря на то что охотники старались ступать бесшумно, зверь все же почуял их и совершенно неожиданно вскочил им навстречу. В любое другое время он постарался бы убежать, но не сейчас. Не успел киммериец и глазом моргнуть, как оказался лежащим на спине. В грудь ему упирались острые развесистые рога. Еще миг — и олень превратит его в месиво. О том, чтобы воспользоваться луком, не могло быть и речи. Варвар отбросил бесполезное оружие и, извернувшись самым невероятным образом, впился пальцами в горящие любой глаза. Олень заревел и отдернул голову. В это время стрела Ньорда, просвистев в воздухе, глубоко воткнулась в шею животного. Олень дернулся и начал заваливаться на бок. Нескольких мгновений Конану хватило, чтобы одним прыжком вскочить на ноги, выхватить длинный охотничий нож иолоснуть по горлу зверя. Горячая кровь густым потоком хлынула на снег. Животное попыталось приподнять голову, но тут же уронило ее и, глубоко вздохнув, замерло. Красноватый отблеск в его глазах потух, и они остекленели.

— Спасибо, — выдохнул Конан, повернувшись к Ньорду.

— Ты и сам справился бы с ним, — весело отозвался асир, вытаскивая свой нож. — Сейчас разделаем тушу, передохнем немного и отправимся назад. Любишь свежее мясо?

— А кто ж от него откажется?

Охотники расправились с добычей за несколько минут, ловко и уверенно орудуя ножами. Самые аппетитные куски они сложили в мешок, а остальное оставили доедать мелким хищникам и птицам.

— Погоди. Еще не все, — вдруг сказал Конан.

Ньорд удивленно посмотрел на него:

— Тебе нужна шкура?

— Нет. Рога. Хочу оставить их тебе на память. Несколько быстрыми движениями он отделил голову олена от туловища, а затем взвалил ее на плечо.

— Теперь пойдем. Этот красавец будет хорошо выглядеть на стене пиршественного зала.

Перебрасываясь короткими фразами и слегка подшучивая друг над другом, они поспешили домой. День близился к концу, быстро темнело, но на снегу отчетливо выделялась лыжня, и поэтому охотники без приключений добрались до опушки леса, откуда уже хорошо был виден бревенчатый тын, окружавший жилище Ньорда.

Навстречу им вышел Горм, старый седой воин, который когда-то спас жизнь Конана своими чудесными растираниями. Он был опытным, мудрым и очень много знал. Его необыкновенная память отличалась тем, что Горм никогда ничего не забывал. Это вызывало

к нему невольное уважение. Но не только своей памятью заслужил он особое отношение к себе. В Асгарде, как и в Киммерии, старики пользовались особым почтением. Жизнь, полная опасностей, редко бывала длинной в этих местах, и если человек умудрялся дождаться, когда волосы его подернутся серебром, значит, он был и умен, и ловок, и хитер, и смел. А эти качества очень высоко ценили у народов, где каждый мужчина рано становился воином.

— А мы вас заждались, — приветливо улыбнулся Горм.

— Посмотри, какого красавца мы завалили, — похвастался Конан, протягивая старику роскошную рогатую голову.

— Хорош, нечего сказать, — похвалил их седой воин. — Входите скорей, надо закрыть ворота. Поздно уже.

— Что это ты так беспокоишься? — удивился Ньорд. — Что-нибудь случилось?

— Ничего, — ответил Горм и нахмурился. — Душа не на месте. Что-то меня мучает, а что — не знаю.

— Опять ты вспомнил какую-нибудь сказку? — рассмеялся Ньорд. — Сейчас выпьем пива, отведаешь свеженького мясца, и твое настроение изменится.

Асир передал мешок с добычей женщинам и распорядился немедленно приготовить угощение, пока они с Конаном смывают с себя грязь и кровь. У него было хорошо на душе, и ему вовсе не хотелось даже думать о каких бы то ни было неприятностях. Горм слишком много знал и помнил, а потому его часто что-нибудь беспокоило. Правда, предчувствия редко обманывали старика, но сейчас Ньорд больше всего желал расслабиться и как следует отдохнуть. Он ведь тоже давно был не юношей: сорок пять зим — это большая жизнь. Он притомился и мечтал поскорее занять свое место за обильным столом, поговорить об охоте, о каких-нибудь пустяках, а к ночи поманить пальцем жену, крепко обнять ее за плечи и вновь с непроходящим удивлением и радостью убедиться, что она все еще хороша, ласкова и желанна.

Конан тоже не обратил внимания на слова старого воина, но у него на это были свои причины. Киммериец не доверял ни предчувствиям, ни внутреннему голосу, ни магическим предсказаниям. Он привык полагаться на свои силы, быстроту реакции, хорошее оружие. Столкнуться лицом к лицу с любым врагом — это было привычнее и понятнее для него, чем движения души. «Душа не на месте», — сказал Горм. А кто вообще знает, где ее место? Варвар не любил и не умел долго размышлять. Он предпочитал действовать. И сейчас после удачной охоты ему тоже хотелось просто отдохнуть, выпить, плотно поесть. К тому же Конан поймал на себе заинтересованный взгляд прелестной златовласой молодой женщины и собирался нынешнюю ночь провести не на жестком ложе воина, а в объятиях красавицы, подарившей ему весьма недвусмысленную улыбку.

Очаровательная красотка не обманула его ожиданий, и утро следующего дня, отнюдь не такое раннее, как накануне, киммериец встретил в приподнятом настроении. Он с удовольствием набрал полную грудь свежего морозного воздуха, смачно потянулся и собрался было предложить Ньорду снова отправиться в лес, чтобы проверить поставленные вчера капканы. Если ловушки сработали, то добыча должна быть неплохой. По своему опыту охотника он знал, что попавшиеся в капканы звери погибают не от ран, а от страха и боли. Он не был слишком кровожадным и никогда не причинял боли просто так, из-за жажды ее или равнодушия, и поэтому ему хотелось поскорее увидеть добычу и прекратить ее страдания.

Варвар шел по двору, направляясь к дому асира, когда в распахнутые ворота влетел

запыхавшийся мальчишка-подросток. Он прерывисто дышал, а в светло-серых глазах его горел такой испуг, словно за ним гнались все существующие на свете демоны. Мальчик с разбегу налетел на Конана и выпалил:

— Помогите!

Киммериец встярхнул его, поставил на ноги и, заглянув в глаза, спросил:

— Кому помочь? Тебе? Кто тебя обидел?

— Я из клана Вулфера, — понемногу успокаиваясь, начал говорить мальчик. — Сегодня ночью на наше поселение напал огромный медведь. Он утащил женщину, которая закрывала ворота.

— Погоди. Пойдем в дом. Расскажешь всем.

Конан отвел мальчишку в зал, где уже собирались Ньорд, Горм и еще несколько воинов. Гонец поведал им, что зверь, вломившийся в обиталище клана Вулфера, был очень крупным, шерсть его, грязная и, скорее всего, светлая (облака закрывали луну, и поэтому никто ничего толком не рассмотрел), висела клочьями. Медведь схватил молодую женщину в охапку и мгновенно сломал ей шею. Однако она успела закричать, и на крик выбежали люди, которые и увидели хищника. Всю ночь в поселении никто не спал, а наутро решили послать мальчика к Ньорду с просьбой о помощи.

— Не нравится мне все это, — задумчиво проговорил Горм. — В наших местах никогда не было зверей-людоедов. Не зря у меня было дурное предчувствие.

— Не до предчувствий сейчас, — прервал его Конан. — Я пойду с мальчиком и посмотрю, что за наглая зверюга объявилась возле их дома. Пусть медведь попробует на меня разинуть пасть. Я быстро повышибу его гнилые зубы.

— Не горячись, Конан, — остановил его Ньорд. — Вулфер был моим другом. Теперь я обязан защищать его клан от кого бы то ни было. Пойдем вместе.

— И я с вами, — предложил Горм. — Хочу посмотреть на следы зверя.

Они быстро собрались, взяли с собой мечи, кинжалы, луки со стрелами, Ньорд отдал несколько распоряжений по дому, и уже через пару минут Конан, Горм и Ньорд шагали вслед за мальчишкой, который, заметно повеселев, болтал о всякой ерунде, словно напрочь забыл о страхах прошлой ночи.

ГЛАВА 4

Клан Вулфера обитал примерно в полудне пути от клана Ньорда. Вернее, уже не клан, а то, что от него осталось после кровавой битвы, в которой уцелел лишь Конан. Когда-то это было одно из самых больших и процветающих семейств в округе, а дружину Вулфера составляли отборные воины, сильные, храбрые, умелые. Сам вождь имел шестерых сыновей и красавицу-дочь, на которой Ньорд собирался женить своего старшего сына. Вулфер, да и сама Эдина, не возражали, и оба рода готовились к свадьбе. Правда, теперь она откладывалась, но рано или поздно обязательно должна была состояться.

Гибель Вулфера и его троих старших сыновей была серьезной утратой для Ньорда, но он надеялся, что при его поддержке клан друга возродится. Оставшимся сыновьям было тринадцать, одиннадцать и восемь лет, так что очень скоро двое из них уже научатся всерьез обращаться с оружием. Было в клане и много молодых здоровых женщин, которые смогут родить еще сыновей. И надо же было зверюге взяться именно за них! А может, это просто какая-то случайная нелепость? Откуда в этих краях взялся старый злобный медведь? Ньорд хорошо знал окрестности. Медведи, конечно, водились тут, но белые обитали в горах, редко появлялись в лесу и уж совсем никогда не приходили к жилью человека. А мальчишка сказал, что шерсть хищника была светлой.

Впрочем, Ньорд, как и Конан, не любил подолгу рассуждать. Он торопился поскорее дойти до места, посмотреть на следы и расправиться с людоедом, нисколько не сомневаясь, что это будет не так уж и сложно. Его отец и дед убили за свою жизнь не одного медведя, да и ему приходилось встречаться с ними. Итоги всех стычек были одинаковыми: медвежьи шкуры неплохо защищали обитателей дома Ньорда от зимних холодов.

Вскоре впереди показался бревенчатый тын с массивными плотно закрытыми воротами. Конан несколько раз опустил свой увесистый кулак на тщательно пригнанные друг к другу створки. Ворота затрещали, но не поддались. Заскрипел снег под чьими-то ногами, и раздался звонкий юношеский голос:

– Кто идет?

– Открывай, Наяр, я привел Ньорда и его людей, – отозвался мальчишка-проводник.

Ворота медленно распахнулись, и Ньорд со спутниками ступили во двор. Им навстречу со всех сторон спешили женщины и дети. Они окружили воинов и заговорили все сразу, перебивая друг друга и пытаясь рассказать, что произошло нынешней ночью. Конан зажал уши ладонями, и гам на мгновение стих. Затем варвар поднял руку и громко крикнул:

– Замолчите все!

Гул затих, и только десятки глаз испуганно смотрели на возвышающегося в толпе киммерийца, ожидая его приказов. Он окинул всех взглядом, выбрал самого старшего подростка, того самого, который открыл им ворота, и распорядился:

– Говори ты.

Наяр вышел вперед и начал рассказывать:

– Мы всегда закрываем ворота на ночь. Вчера вечером одна из женщин, у которой были какие-то дела по двору, вызвалась сделать это сама. Мы уже ложились спать, когда услышали ее дикий вопль. Несколько человек успели выбежать из дома и увидели, что ее схватил огромный зверь. Он махнул лапой, что-то громко хрустнуло, и женщина тут же замолчала. Чудище было не меньше тебя ростом, покрытое клочастой шерстью. Мне показалось, что

это медведь. Но не бурый. Однако и на белого, какие водятся в горах, он не был похож. Как будто седой. Но я никогда не видел седых медведей и не знаю, бывают ли такие. Мы не успели даже опомниться, как хищник кинулся прочь и быстро скрылся в лесу.

— Кто еще запомнил что-нибудь? — поинтересовался Конан.

— Он бежал на задних лапах, — ответила одна из женщин.

— На задних? — нахмурился Горм. — Не нравится мне это.

— А кому вообще может понравиться, что медведи стали нападать на дома? — проворчал Ньорд. — Ладно. Разберемся. Мы поживем у вас несколько дней, посмотрим. Можете больше ничего не бояться. Мы защитим вас.

Они прошли в дом, двери которого тут же гостеприимно распахнулись для спасителей. Мужчины долго беседовали со стариками, расспрашивая их о том, что происходит в округе, какие звери водятся в лесах и не было ли раньше случаев, чтобы медведи или волки нападали на людей. Однако ничего нового им узнать не удалось. Никто из стариков не припомнил ничего необычного. Пока Вулфер и его дружины охраняли поселение, жизнь шла тихо, спокойно, мирно. Все стычки с врагами происходили далеко от дома, охота была как охота, псы, которых по ночам держали во дворе, ни разу не поднимали переполох. Вот только вчера ночью они вели себя как-то странно. Ни одна собака не залаяла, все только глухо рычали, и шерсть на загривках стояла дыбом. Похоже, они перепугались до полусмерти.

Поняв наконец, что со стариками можно разговаривать до бесконечности, Ньорд решительно поднялся:

— Надо пойти поискать следы. Может, они выведут нас к логову зверя.

Они оставили мечи и, прихватив с собой только луки и охотничье оружие, двинулись на поиски. Возле ворот уже прошло столько людей, что ни о каких следах медведя не могло быть и речи. Кроме того, охотникам сильно не повезло: утром шел снег, который успел присыпать следы. К счастью, он не был обильным, и потому по направлению от тына к лесу четко просматривалась цепочка довольно-таки крупных углублений, по подробно рассмотреть ничего не удалось.

Выйдя за ворота, мужчины встали на лыжи и медленно пошли по уходящей вдаль цепочке. Чем дальше они уходили в чащу, тем более отчетливыми становились следы: снегу мешали развесистые лапы деревьев, и потому довольно скоро зоркие глаза Конана рассмотрели прекрасный отпечаток. Судя по размерам лапы, медведь и правда был огромным. Но что самое удивительное, женщины не показалось с испугу, что он шел на задних лапах, как сначала подумал киммериец. Следы ясно указывали, что так оно и было.

Присев на корточки, мужчины долго разглядывали гигантскую ступню. Глубокий след говорил и о том, что зверь не только вымахал выше среднего человеческого роста, но и весил немало. Он слегка прихрамывал и косолапил, да к тому же нес свою жертву, и казалось уму непостижимым, как же он умудрился так быстро исчезнуть. Медведи умеют передвигаться довольно быстро, но для этого им нужны все четыре конечности, а этот пользовался только двумя.

Вдруг Горм схватил Конана за руку:

— Смотри!

— Вижу. Здоровый зверюга. Но ничего особенного. И не с такими справлялись.

— Ничего особенного? — чуть не подпрыгнул старик. — Ты говоришь ничего особенного?

И после этого кто-то осмелится назвать тебя охотником? Где твои глаза?

— На месте глаза, — буркнул Конан, который очень не любил, когда кто-нибудь

сомневался в его исключительных способностях.

- Не знаю, где у них тогда место, – продолжал кипятиться Горм. – Взгляни на когти.
- Огромные, острые, как у всех хищников, – пожал плечами киммериец.
- Горм вскочил на ноги, повернулся к Ньорду и чуть ли не закричал:
- Ты тоже ничего не видишь?
- Да не вопи ты так, – поморщился Ньорд. – Если заметил что-то необычное, объясни.
- Их шесть! Понимаете, осталопы, шесть! А у обычного медведя должно быть пять!
- Ну и что? – удивился варвар. – Урод какой-то.
- Сам ты урод, – огрызнулся Горм. – Запомни раз и навсегда: шесть когтей бывает только у оборотней. Демоны вообще любят это число – шесть.
- Меня совершенно не волнует, что они любят! – взорвался Конан. – Демон, оборотень, медведь на задних лапах, задница этого медведя – мне все равно. Эта тварь сожрала женщину, и я убью гадину!
- Ладно, не злись, – вдруг сменил Горм гнев на милость. – Никто из нас никак не сомневается в твоей храбости. Просто ты должен знать, что оборотня нельзя убить простым оружием. Железо не берет их.

– Да я его голыми руками… – начал было киммериец, но Ньорд остановил его: – Погоди. Дай договорить Горму.

– Они боятся серебра, – продолжил старик. – Не спорь, – остановил он Конана, который уже открыл рот, чтобы возразить. – Сам знаю, что серебро не годится для оружия. Для обычного оружия. А против оборотней оно в самый раз.

– Но у нас нет ничего подобного, – сказал Ньорд.

– Значит, надо вернуться домой и сделать нож или наконечник для копья.

– Хорошо, – с трудом согласился Конан, который прекрасно знал, что опытом стариков пренебрегать нельзя. – Но сначала попытаемся все же выследить чудище.

Они двинулись дальше и через несколько шагов наткнулись на страшную находку. Под кустом, едва припорошенное снегом, лежало тело молодой женщины. Голова ее была повернута набок, словно шея уже не держала ее, руки раскинуты в стороны, ноги согнуты в коленях. На груди зияла огромная рана. Сердца не было.

– Нергалово отродье! – взревел Конан. – Я загрызу его собственными зубами! Я вырву у него печень и отдам ее пожирателям падали!

Ньорд молчал. Он боялся взглянуть на лицо женщины, боялся увидеть, что это Эдина. Там, в поселении Вулфера, он не спросил имя жертвы. Это, конечно, была слабость, но асир любил девушку, как собственную дочь, и известие о ее гибели стало бы слишком сильным ударом для него. Теперь он стоял перед заледеневшим трупом и не решался поднять на него глаза. Наконец невероятным усилием воли Ньорд заставил себя сделать это, и из его груди вырвался невольный вздох облегчения: это не она.

Горм нагнулся к женщине, провел дрожащей рукой по ее белой щеке и вздохнул:

– Она была очень красива. И молода. А скольких мальчишек могла бы выносить! – Он помолчал и продолжил: – Эта гадина лишила ее сердца. Надо отнести несчастную в поселение. Придется провести долгий и сложный обряд, чтобы душа ее утешилась. Иначе и на Серых Равнинах ей придется страдать.

Конан легко, словно ребенка, поднял женщину на руки, повернулся и молча двинулся назад. Ньорд почему-то шепотом спросил Горма:

– А что за обряд? Я никогда о нем не слышал.

— Я не знаю всех подробностей, — ответил старик, — но наверняка общими усилиями мы вспомним. Надо поймать олениху и взять ее сердце. Олени — благородные и добрые существа. И глаза их напоминают человеческие. Но все же они животные, и поэтому воспользоваться сердцем оленихи можно. Потом его кладут в снег, чтобы показать Имиру. Если на другой день оно не исчезнет, значит, Ледяной Гигант не возражает против такого обмена. Сердце надо поместить в грудь умершего, произнеся при этом заклинание. Вот его-то я и не знаю. Но надо поговорить со стариками. Может, кто-нибудь и подскажет.

Больше до самых ворот они не проронили ни слова. Выбежавшие им навстречу люди приняли из рук Конана тело несчастной, чтобы подготовить его к погребению. Горм направился к старикам, чтобы узнать у них что-нибудь, а Ньорд и варвар устроились за столом и, потягивая поднесенное им пиво, принялись обсуждать дела. Они решили, что завтра пойдут охотиться на олениху, а затем Ньорд вернется домой, взяв с собой Горма. Конан останется здесь, чтобы охранять поселение. Ему на смену Ньорд пришлет десяток воинов из своей дружины.

— Пусть не торопятся, — предложил Конан. — Дня три-четыре я поживу тут, осмотрюсь. Если медведь появится снова, сам с ним управлюсь.

— А оружие? — напомнил ему Ньорд.

— Здесь тоже есть кузнецы. Надо им сказать, чтобы приготовили все необходимое.

Вернулся Горм. По его сияющему лицу было видно, что у него все получилось. Старик с порога заявил:

— Мне сказали, что неподалеку отсюда живет древняя бабка. Она знает все на свете, и в том числе нужные заклинания. Надо срочно послать за ней кого-нибудь.

— Кого послать? — отозвался Ньорд. — Все так боятся медведя, что никто не выйдет за ворота.

— Не все, — напомнил Горм. — За нами-то пришел мальчишка. Днем оборотни не бродят.

— Тогда пусть сбегает.

К вечеру мальчик привел с собой дряхлую старуху, которая, глядя на всех исподлобья, заявила, что мужчины при обряде присутствовать не должны. От них требуется только добыть сердце, а потом они могут убираться на все четыре стороны. Она все знает и умеет и при помощи ближайших родственниц погибшей прекрасно справится. Такие случаи бывали когда-то давно, и все обходилось благополучно. Во всяком случае души умерших никого не беспокоили.

На следующий день Конан и Ньорд принесли в поселение молодую и очень красивую олениху. Они отдали ее старухе, и та буркнула под нос что-то, отдаленно напоминающее слова благодарности. Ньорд с Гормом вернулись домой, а Конан остался охранять женщин и детей. Даже страшные события последних дней не помешали ему заметить, сколько прелестниц окружает его и какие выразительные у них улыбки. Днем он намеревался исследовать окрестности в поисках логова хищника, а ночью... На夜里 он строил особые планы.

ГЛАВА 5

Когда начало темнеть, Конан сам закрыл ворота и для надежности припер их изнутри увесистым бревном, которое едва доволок до места. Если медведь снова полезет к людям, ему придется изрядно попотеть, прежде чем ворота откроются. Но все предосторожности оказались напрасными. Ночь прошла спокойно, и киммериец пожалел, что провел ее в одиночестве. Впредь, решил для себя варвар, он будет умнее. В конце концов, еще ни одна женщина не вскружила ему голову настолько, чтобы он забыл об опасности. В крайнем случае, подождет немного. Он нисколько не сомневался, что одолеет хищника, и не очень-то доверял разговорам Горма об обратном, даже несмотря на то что увиденное ими накануне было по меньшей мере странным.

В дом его утром не пустили, ибо там готовились к необычному обряду погребения, и мужчине нельзя было на него смотреть. Собственно, Конан и не собирался провести день под крышей. Он взял оружие, кое-какую еду и направился в лес. До самого вечера бродил он по чаще, заглядывая под каждый куст, внимательно осматривая каждую кочку, но так ничего нового и не обнаружил. Медведь словно сквозь землю провалился. Никаких следов.

Когда киммериец вернулся, обряд уже был закончен и даже короткая тризна, и та завершена. Его встретили радостно, ибо все решили, что своим спокойствием обязаны именно тому, что их охраняет могучий воин, которого испугался даже такой сильный и кровожадный зверь. Женщины, оставшиеся без мужчин, так и лнули к нему, и Конан вовсе не собирался отказываться от радостей, которые мог получить от истосковавшейся по ласке прелестницы.

С видом хозяина гарема он окунул взглядом окружавших его женщин, и одна из них показалась Конану наиболее привлекательной. Ее пышные золотистые волосы были распущены по плечам, а в серых больших глазах светилось такое сильное желание, что молодой воин не смог устоять. Он шагнул к женщине:

- Как тебя зовут?
- Гельдис.
- Не подашь ли ты мне ужин? И пива.
- Сейчас принесу, – ответила женщина и лукаво улыбнулась.

Когда она вернулась с блюдом, которое едва несла, настолько оно было заполнено всевозможной снедью, киммериец попросил ее:

- Останься. Посиди со мной. Мне предстоит долгая ночь. Одному скучно.

Гельдис звонко рассмеялась, прекрасно понимая, чего хочет от нее варвар, и мгновенно согласилась. Они довольно долго разговаривали, пока Конан насыпался, а потом женщина придинулась к нему поближе и смело положила голову на мускулистую грудь киммерийца. Его словно обдало жаром, сильное желание перехватило горло и затуманило взор, и Конан прижал женщину к себе. Она высвободилась и шепнула:

- Не здесь. Пойдем.

Взяв его за руку, Гельдис направилась по темному коридору и остановилась перед какой-то дверью.

– Это моя комната, – пояснила она. – У меня был муж, и мы с ним жили здесь. Но он погиб. Я теперь одна.

- Была одна, – рассмеялся Конан и решительно толкнул дверь.

То ли медведь на самом деле не приходил и в эту ночь, то ли киммериец ничего не слышал, но до утра в доме было тихо. Если бы хищник попытался сломать ворота, ему бы не поздоровилось. Конан провел такую восхитительную ночь, что превратил бы в лепешку любого, кто осмелился бы вырвать его из жарких объятий. Варвар чуть не захлебнулся в бурном потоке ласки, которую изливалась на него Гельдис. Такой необыкновенной женщины ему еще не доводилось встречать, хотя любовному опыту Конана мог бы позавидовать любой сластолюбец.

День начался шумно и весело. Две ночи покоя и тишины заметно улучшили настроение обитателей и этого дома, и соседних. Все начали верить, что медведь больше не появится, что бросившиеся ему вслед охотники спугнули зверя, и он убрался в горы.

Конан снова весь день бродил по лесу, но опять не нашел ничего, что говорило бы о присутствии поблизости какого бы то ни было крупного хищника. Возвращаясь он радостный, предвкушая сытный ужин и еще одну ночь с Гельдис. Он торопился, чтобы поскорее увидеть ее, прижать к себе, поднять на руки и бережно уложить на мягкие пушистые волчьи шкуры.

Гельдис выбежала ему навстречу. В руках она держала пустую деревянную кадку.

– Иди в дом. Я сейчас наберу воды и вернусь.

– Подожду тебя у ворот. Я не устал сегодня. Копил силы для тебя, – улыбнулся Конан.

Гельдис вприпрыжку, словно маленькая девочка, бросилась к невысокому холму, под которым протекала узкая быстрая речушка, не замерзающая даже в сильные морозы. Киммериец смотрел ей вслед, и блаженная улыбка не покидала его лица. Вдруг тишину прорезал оглушительный вопль. Конан метнулся к холму, и перед ним открылась жуткая картина: огромный лохматый медведь сжал Гельдис страшными когтистыми лапами. Она извивалась и кричала, а хищник, словно издеваясь над варваром, не спешил расправиться с ней. Стрелой зверя было не достать, и киммериец кинулась вниз, выхватывая на ходу охотничий нож. Когда до медведя оставалось пятнадцать-двадцать шагов, он резким движением правой лапы сломал шею своей жертве, швырнул ее в снег и пустился наутек. Монстр убегал так стремительно, что ни один человек не сумел бы его догнать.

Конан опустился на колени перед Гельдис, взял в ладони ее лицо и повернул к себе. Женщина была мертва. Киммериец медленно поднялся, повернувшись к лесу, погрозил исчезнувшему хищнику кулаком и крикнул:

– Это была твоя последняя жертва! Больше ты не причинишь горя!

Всю ночь варвар не сомкнул глаз. Он оставил ворота открытыми и притаился за одной из створок, сжимая в руке свой верный меч. Несколько раз ночные тени обманывали его, и Конану казалось, что со стороны леса медленно движется огромная, чуть сутулая фигура. Он собирался, как зверь перед прыжком, готовясь нанести удар, но снова опускал клинок и пристально вглядывался в темноту. Он был напряжен так, что, казалось, слышит дыхание земли. Даже крохотная мышка не могла проскочить мимо. И все-таки хищник обманул его: утром обнаружилось, что пропал мальчик. Конан обошел поселение кругом и нашел в бревенчатом тыне дыру. Она была проделана так аккуратно, что у киммерийца холодок пробежал по спине: он вспомнил слова Горма об обратоне. Неужели старик прав?

Варвар не находил себе места, считая, что виноват в смерти ребенка. Почему он решил, что медведь непременно пойдет к воротам? Почему он сидел на месте и не сообразил, что нужно осмотреть тын и проверить, нет ли лазеек? Непростительная самоуверенность! Конан отправился в лес и бродил там до наступления темноты, но ни следов, ни тела мальчика так

и не отыскал.

Низко опустив голову, согнув плечи под тяжестью обрушившихся на него напастей, возвращался киммериец в поселение. Там его уже поджидали пятнадцать воинов, которых Ньорд прислал ему на смену. Конан собрал их вокруг себя и долго, обстоятельно рассказывал о событиях последних дней. Это отняло у него остатки сил: работать мечом для варвара было гораздо легче, чем языком. Воины внимали ему, не сводя с Конана глаз, так как прекрасно понимали, что им предстоит решить нелегкую задачу.

Сон сморил киммерийца на полуслове, и он заснул прямо за столом, опустив на руки тяжелую голову с длинными спутанными волосами. Ему снилась Гельдис. Женщина протягивала к нему руки, звала, манила, но стоило Конану хоть немного приблизиться к ней, исчезала, таяла, как утренняя дымка. Затем он увидел веселого мальчика, прыгающего на одной ножке и хлопающего в ладоши. Ребенок приглашал его поиграть, звал в лес. Киммериец делал шаг ему навстречу, но очаровательная мордашка с розовыми щеками неожиданно вытягивалась, обрастила шерстью и превращалась в злобную морду зверя с оскаленной пастью. Души жертв оборотня взывали к нему, требовали отмщения.

Проснулся Конан в холодном поту, усталый и разбитый, словно не спал вовсе. Он позавтракал на скорую руку, снова собрал воинов и еще раз объяснил им, что нужно делать. Затем варвар поднялся, взял свое оружие и решительно направился к поселению Ньорда, не оглядываясь и стараясь ни о чем не думать. Ему хотелось поскорее добраться до цели и поговорить с Гормом. У старика превосходная память, он прожил длинную и трудную жизнь и наверняка, если постарается, вспомнит что-нибудь очень важное. Гнусная тварь должна быть уничтожена.

При всей своей безжалостности и нечувствительности Конан никогда не поднимал руку на женщин и детей, считая это недостойным человека. Слабый и беззащитный не может быть противником. А кровожадная гадина охотилась именно на них. И кем бы она ни была: человеком, оборотнем, зверем, – она не должна жить. И не будет. Конан остановился, поднял голову к голубому бездонному небу, воздел к нему руки и крикнул:

– Великий Кром! Отец наш всемогущий! Я клянусь уничтожить подлое чудовище, чего бы мне это ни стоило!

Он коснулся правой рукой сердца, затем рукояти меча, тряхнул головой и быстро зашагал вперед.

ГЛАВА 6

В середине дня Конан уже подходил к поселению Ньорда. Там царил ужасный переполох, дома, мастерские, казарма – все гудело, как растревоженный улей. Оказывается, не случайно нынешней ночью клан Вулфера спал спокойно: медведь побывал у Ньорда и утащил мальчика-подростка. Похоже, тварь задалась целью извести оба клана. На мужчин зверь не нападал, его жертвами становились только женщины и дети. Ньорд встретил Конана на пороге:

– Ты его видел?

– Довольно близко, – нахмурился варвар. – Но пока бежал к нему, демон скрылся. Он бегает так, словно у него крылья за спиной.

– Как он выглядит?

– Очень большой. Пегий какой-то. Старый. Но ловкий и быстрый. И, кажется соображает не хуже нас с тобой.

– Я ведь говорил, что это оборотень, – вмешался в разговор Горм. – Я беседовал со стариками. Они говорят, что оборотни никогда не уходят очень далеко от своего дома.

– Ты хочешь сказать, это кто-то из наших?! – вскипал Ньорд.

– Не горячись. Давай посидим, подумаем.

Они вошли в дом и сели за стол, мгновенно накрытый расторопными женщинами. Как по волшебству, появились и еда, и выпивка. Постепенно к мужчинам начали один за другим присоединяться воины, и вскоре разговор стал общим.

– Я встречался уже с оборотнями, – задумчиво проговорил киммериец. – Это было давно, в Халоге. Но там люди оборачивались волками.

– Это ничего не значит, – отозвался Горм. – Они могут принимать любой облик, а суть у всех все равно одна: кровопийцы и людоеды. Днем он живет с тобой бок о бок, а ночью сожрет и не подавится.

– Еще как подавится! – воскликнул Конан. – Рано или поздно мы обломаем ему зубы.

– Лучше бы рано, – грустно улыбнулся Ньорд.

В разговор вмешался совсем юный воин, который жил прежде у самой границы с Гипербореей. В тех краях оборотни встречались довольно часто. Все они приходили с восточной стороны, из глухих лесов. Они отличались невероятной силой и жестокостью, а кроме того, были необычайно живучи. Убить такую тварь очень сложно. Но даже если и удастся сразить ее обычным оружием, она оживет. Против оборотней имеет силу лишь серебро. Оно-то и несет им настоящую смерть. И еще, после гибели чудища возвращается его прежний вид, и только тогда можно узнать, кто это был. Сам юноша участвовал в одной охоте на оборотня. Тогда погибло несколько человек, но добить гадину все же удалось. Рассказчик вздрогнул, когда начал описывать, как сквозь звериный образ постепенно проступало человеческое лицо. Страшная картина возникла у него перед глазами так ясно, словно все это было вчера. Он даже замолчал.

– И кто это был? – спросил кто-то.

– Кто? – переспросил юноша, как будто только что проснулся. – Местный колдун. О нем ходила дурная молва, но никто и подумать не мог, что он оборотень.

– Колдун? – оживился вдруг Горм. – Колдун... – повторил он и задумался.

Все тоже затихли, но постепенно разговор возобновился. Вспоминали всякие страшные

истории, не то вымышленные, не то настоящие, пытались придумать, как найти медведя и в какую ловушку его можно поймать, советовали женщинам, подносявшим еду, не выходить из домов с наступлением темноты и никуда не отпускать от себя детей. Неожиданно Горм вскочил с места и, ударив себя ладонью по лбу, воскликнул:

— Зимурд!

— Что Зимурд? — удивился Ньорд.

— Зимурд, отец Браги.

— Да, кажется, его зовут именно так, — пожал плечами Ньорд. — Но при чем здесь он?

— Он колдун, — пояснил Горм. — Причем злой колдун. Разве ты забыл, как он наслал болезнь на твоих родителей? Ничто им не помогло. Наш врачеватель тогда сказал, что это очень сильное колдовство, черное. А засуха в прошлом году? Звери уходили из леса, ручьи пересохли, река обмелела так, что рыба погибла. Это тоже он. А теперь Вулфер погубил его сыновей и старшего внука. В клане Браги остались лишь малые дети да старики. И женщины, конечно, тоже, но ваниры не считают их людьми. Вот он и мстит. Сначала он ополчился на клан Вулфера, а потом, видя, что ты не оставил их в беде, перебрался сюда. Он, наверное, думает, что если перебьет всех нас, то уж с нашими-то соседями справиться ему не составит труда.

— Погоди, — остановил его Ньорд. — Если Зимурд — оборотень, то он уже давно бы проявил себя.

— А зачем?

— Как зачем? Еще наши деды враждовали между собой. Почему он не ввязался в эту склоку раньше?

— А может, у него не было нужных знаний или навыков. Да мало ли почему? Не в этом дело. Подумай: он убивает только молодых женщин, которые могут рожать детей, и мальчиков. Стариков-то он не трогает!

— Но он пока не трогал и воинов, — возразил Конан. — А чтобы уничтожить клан или хотя бы поколебать его силу, надо лишить его взрослых мужчин.

— Не знаю, — пожал плечами Горм. — Может, он решил начать с тех, с кем ему легче справиться. Или с тех, кто наиболее беззаботен.

— Погоди, погоди, — снова заговорил киммериец. — Если ты так уверен, что это Зимурд, не проще ли будет отправиться в его поселение и разобраться с ним по-мужски, пока он не нацепил на себя медвежью шкуру?

— Нет, — покачал головой Ньорд. — Это невозможно. Наши кланы действительно враждуют уже очень много лет. Я даже не могу сказать, что послужило причиной ссоры. Но мы не нападаем на поселения друг друга. Таков неписанный закон. Женщины и дети не должны страдать. Война — занятие для мужчин.

— Не должны страдать? — вскричал Конан. — А что делает эта тварь? — Он витиевато выругался. — Не на женщин и детей ли охотится оборотень?

— Но мы же люди, — возразил Ньорд. — И биться с ним должны по-людски. А иначе чем мы лучше зверей?

Конан, который свято соблюдал своеобразный кодекс чести, принятый у варварских племен, не мог не согласиться с тем, что Ньорд прав. Но горячая кровь киммерийца кипела, ему необходимо было действовать, меч, казалось, сам просился в руку.

— Хорошо, — кивнул варвар. — Я согласен с тобой. Но если это и правда Зимурд, значит, он приходит из-за гор. Надо разослать людей по окрестностям, обшарить горы и найти его

тропу. Устроим ему засаду и, как только он обратится в зверя, нападем и уничтожим.

— Все это было бы слишком просто, — задумчиво произнес Ньорд. — Вряд ли он ходит одной и той же тропой. Мы ведь пытались разыскать его следы. Как ты помнишь, ничего не получилось. Тут нужно придумать что-нибудь другое.

И хотя опыта поединков с оборотнями, кроме юноши, который уже рассказал свою историю, ни у кого не было, всевозможных задумок оказалось с избытком. Кто предлагал устроить сложную сеть ловушек по всему лесу, кому пришло в голову создать оцепление вдоль гор, граничащих с Ванахеймом, кто-то даже решил, что надо пойти к Зимурду и напрямик спросить, чего тот хочет, а затем вызвать его на поединок, а одному воину пришла в голову и вовсе нелепая идея: он настаивал на том, чтобы выбрать самых привлекательных девушек и сильных мальчиков и выпускать несчастных в лес в качестве приманки. Так, уверял он всех, клан в крайнем случае потеряет одну-двух женщин, а что получится, если никто с ним не согласится, еще неизвестно. Если бы кто-нибудь воспринял его предложение всерьез, ему бы не поздоровилось, но его просто подняли на смех.

В конце концов, так ничего дельного и не придумав, решили разойтись, выспаться и снова собраться утром, чтобы обдумать, как быть дальше. Дозор все-таки выставили. Два воина затаились у ворот, и еще десять человек до полуночи ходили вдоль тына. В полночь их сменили другие. Оборотень оказался умнее всех: он попросту не пришел. Никто не знал, отправился ли он к клану Вулфера или же спал дома, но каждый в душе радовался, что главная стычка отложилась на неопределенное время. И вовсе не потому радовались, что в дружине Ньорда были трусы. Нет, все как на подбор отличались отвагой и умели обращаться с оружием, но они привыкли иметь дело с иным противником. А все неизвестное всегда вызывает боязнь.

С утра специально подобранный отряд отправился на поиски следов зверя, а Горм пошел к кузнецам, чтобы те изготовили серебряное оружие. Все понимали, что оно может пригодиться, но старый добрый стальной меч вызывал все же больше доверия. Магия не была в чести ни в Асгарде, ни в Киммерии, и потому ко всякого рода колдовским штучкам тут всегда относились скептически.

Зверь появился, как только стемнело. Но он даже не попытался проникнуть в поселение. Огромный косматый медведь вышел из глубины леса и замер, словно хотел, чтобы все полюбовались на него. Он действительно ходил на задних лапах, а передние поднял над головой, как будто грозил людям или насыпал на них проклятие. Конан выхватил меч и бросился навстречу монстру, вслед за ним помчался Ньорд. Но хищник лишь презрительно фыркнул и мгновенно скрылся в чаще. Догнать его не удалось никому.

— Похоже, оборотень решил открыто объявить нам войну, — задумчиво проговорил Ньорд. — Даже, наверное, не нам, а мне. Тебя-то он знать не знает.

— Ну и что? — возмутился Конан. — У меня с ним свои счеты.

— Счеты счетами, а враждают-то наши кланы. К моему поселению он пришел. Значит, мне и выходить с ним один на один, — решил Ньорд. — Все вместе мы ничего не добьемся. Он будет прятаться и действовать исподтишка. Так его не поймать. Раз он пришел за мной, я приму вызов.

ГЛАВА 7

Все попытки Конана убедить Ньорда, что тот не справится с оборотнем в одиночку, ни к чему не привели. Упрямый асир настаивал на своем. Для него, как и для всех северян, кодекс чести был превыше всего. Неписаный закон гласил: жизнь за жизнь. Зверь погубил нескольких человек и из клана Вулфера, и из клана Ньорда, а значит, асир не мог не выйти на поединок. Напрасно киммериец внушал ему, что законы распространяются только на людей, а оборотни – это совсем другое дело.

– Будь это обычный человек, – уверял варвар Ньорда, – я бы и слова не сказал. Но ведь он хищник, чудовище, порождение демонов. Если уж на то пошло, любой из нас вправе сразиться с демоном. Это касается не только тебя.

– Это не демон, – возражал асир. – Это колдун. Причем из рода, с которым враждует мой род. И он приходил за мной. Ты сам видел.

– Он приходил к твоему дому. Но за тобой или за кем-то другим... – пожал плечами Конан. – А может, за мной? Я ведь поклялся отомстить ему.

– Ты все равно не убедишь меня. Я пойду один.

– Погоди, – остановил Ньорда киммериец. – Я ведь не предлагаю тебе созвать дружину. Возьми с собой меня.

В конце концов все эти разговоры привели только к тому, что Ньорд рассвирепел. Он больше не пожелал говорить на эту тему и, что было совсем не в его характере, напомнил Конану:

– Ты мой гость. А хозяин тут я. Никто не может указывать вождю, что ему делать.

Конан побагровел от ярости, но сдержал свой гнев, ибо Ньорд был совершенно прав. Сам киммериец никогда не позволил бы никому держать его за руку, когда эта рука уже легла на рукоять меча. У них было много общего, у пожилого асира и совсем еще молодого киммерийца, и может, поэтому они прекрасно понимали друг друга. Но не родился еще тот человек, который мог бы переупрямить варвара. Если нельзя действовать прямо, он шел в обход, повинуясь диким инстинктам, которые были настолько в нем сильны, что жизнь в цивилизованных странах никак не повлияла на них. Он перестал спорить, но для себя решил, что все равно отправится вслед за Ньордом, но так, чтобы асир ни о чем не догадался.

Прошло несколько дней, а хищник не появлялся. Между двумя поселениями была налажена устойчивая связь. Шустрые гонцы встречались в условленном месте и обменивались новостями, так что все знали, что происходит в обоих кланах. Оборотень затаился и чего-то выжидал. Ньорд надеялся получить от него какой-нибудь знак, чтобы тут же отправиться в путь, и сосредоточенно готовился к поединку.

Умелые мастера, которых у него было предостаточно, изготовили замечательные доспехи, казавшиеся непробиваемыми. Кузнецы долго ковали медь, пока она не стала жесткой. Затем из нее сделали две прочные пластины, плотно прилегающие к спине и груди. Застежки, соединяющие их, имели сложный замок, который не могли повредить ни сильные удары, ни резкие движения. На толстых кольцах к этим пластинам крепились другие – защищающие руки. На плече и предплечье они были жесткими, а на локтях – чешуйчатыми, гибкими. Чешуйчатые же перчатки не мешали держать оружие и при этом надежно укрывали кисть. Головной убор мастера собрали из мелких колечек, соединенных вместе в несколько слоев. На него надевался прочный шлем.

Когда доспехи были готовы и Ньорд примерил их, посмотреть на диковинку собралась вся дружина. Такого они еще не видели. Задумка принадлежала старейшему кузнецу, который в молодости много путешествовал и потому знал уйму секретов разных мастеров. Ему давно хотелось сделать что-нибудь необычное, и наконец-то он осуществил свою мечту. Он подробно объяснял вождю, как пользоваться его изделием, и сиял от гордости и счастья, купаясь в потоке похвал, сыпавшихся со всех сторон.

Другой мастер поднес Ньорду массивный серебряный кинжал с простой, но очень удобной рукоятью и копье с острым тяжелым наконечником, сделанным тоже из серебра. Асир взвесил на руке оружие и выбрал кинжал.

— Копье я не возьму, — сказал он. — Для леса оно непригодно. Слишком много препятствий. А мне надо действовать наверняка. Но все равно спасибо. Хорошее оружие. Жаль, металл никчемный.

Теперь Ньорд был полностью готов к бою. Конан тоже осмотрел его доспехи и одобрил их. Однако киммериец считал, что они хороши для войны, а на поединок один на один предпочитал выходить налегке, чтобы ничто не мешало движениям. По своему огромному опыту он знал, что часто ловкость бывает нужнее, чем сила и умение обращаться с оружием. Его не раз спасали звериная гибкость, чутье и умение вовремя увернуться. И из оружия он скорее бы выбрал копье, а не кинжал. Но варвар не сказал ни слова Ньорду. Пусть поступает так, как считает нужным. Он опытный, сильный, мужественный, умелый воин и сам знает, что ему делать.

Медленно тянулись дни. Самым ужасным для Ньорда, да и для Конана, было то, что ничего не происходило. Затянувшееся ожидание изнуряло, отнимало силы, мучило. Оборотень как сквозь землю провалился. Несколько раз киммериец уходил в лес на целый день, пытаясь разыскать хотя бы старые следы, но ничего не находил и возвращался с наступлением темноты мрачный и злой. Наконец однажды утром Ньорд сказал ему:

— Мне сегодня приснился сон, в котором медведь вызвал меня на бой. Премерзкий гад. Клочастый какой-то, глазки злые, клыки желтые, наполовину сточенные, покрытые смрадной пеной. А когти длинные, острые, и с них капала кровь.

— Дурной сон, — нахмурился Конан. — Последний раз прошу тебя: возьми меня с собой.

— Нет, — отрезал асир. — И не будем больше к этому возвращаться. Сегодня в лес пойду я. Чувствую, он ждет. Пора.

Ньорд надел доспехи, взял кинжал, прикрепил к ногам лыжи и отправился в чащу. Выйдя за ворота он обернулся:

— Выше голову! Вечером устроим пир. Я принесу его шкуру.

— Не нравится мне что-то, — покачал головой старый Горм. — Уберег бы он свою шкуру, а с оборотня ее не снимешь.

— Не беспокойся, старик, — положил варвар ему на плечо руку. — Я иду за ним. Чуть позже, чтобы он не увидел меня.

— Возьми копье, — светло улыбнулся Горм, — Я верю в тебя.

Конан отправился в оружейную, примерил к руке копье, немного укоротил древко, а затем, прихватив с собой лыжи и, на всякий случай, свой верный меч, поспешил за Ньордом.

День выдался ясным и солнечным. На чистом искрящемся снегу четко выделялась лыжня, лыжи скользили плавно и бесшумно, и настроение киммерийца улучшалось с каждым шагом. Он нисколько не сомневался, что все закончится благополучно. Его беспокоил лишь Ньорд. Асир настолько уверовал, что кровожадный хищник — оборотень, что

думал о нем как о человеке и бой представлял себе с воином, а не со зверем. Конан же ни на миг не забывал, что зверь есть зверь и, бьется под его шкурой сердце человека или медведя, вести себя он будет не по-людски, а значит, поединок предстоит непростой.

За размышлениями он не заметил, как погода постепенно начала портиться. Голубое небо затянули тучи, ветер из легкого и свежего превратился в холодный, пронизывающий до самых костей, а чуть позже из туч, повисших, казалось, над самой головой, потихоньку начал падать снег. Ветер гудел все громче и громче, снежинки увеличились в несколько раз и повалили так густо, что Конан не видел ничего дальше вытянутой руки. Лыжня, оставленная Ньордом, скрылась в сплошной пелене. Какое-то время киммериец еще представлял, где он находится, но вскоре окончательно сбился со следа и остановился.

Очередной порыв ветра ударила в широкую грудь Конана с такой силой, что тот едва сумел ухватиться за ствол стоявшего рядом дерева, чтобы не упасть. На мгновение у варвара мелькнула мысль, что сам Имир, Ледяной Гигант, ополчился против него, но быстро исчезла, ибо киммерийцу приходилось думать, как выстоять в этом снежном кошмаре. Снег залепил глаза, забился в нос, уши, рот. В какую бы сторону ни повернулся Конан, ветер бил ему в лицо.

Неожиданно падающий с небес снег уплотнился и из него сложилась фигура высокого, немного сутулого старика с длинной бородой. Снежный стариик пристально посмотрел на варвара, погрозил ему кулаком, громко расхохотался и исчез, рассыпавшись на мириады блестящих снежинок. Ветер завыл с новой силой, стараясь сбить киммерийца с ног, и тот понял, что внезапно начавшаяся буря – дело рук колдуна.

Ярость захлестнула Конана, и ему даже стало жарко. Он поднял над головой копье, словно факел, и закричал что есть мочи:

– Я не боюсь тебя, дряхлая развалина! Можешь беситься сколько угодно! Больше ты не будешь поганить этот мир своим смрадным дыханием! Я найду тебя и уничтожу!

И – о чудо! – буря утихла, как будто никогда и не начиналась. Тучи рассеялись, ветер опять стал легким и свежим, выглянуло солнце, словно сам светозарный Митра решил взглянуть на отважного воина.

Варвар посмотрел по сторонам, пытаясь определить, куда забрался в этой неразберихе. Тщетно. Он даже представить не мог, куда его занесло. Конан прислушался, но вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как падают с веток крохотные снежные комочки. Тогда варвар решил идти вперед, полагаясь только на свое почти звериное чутье, которое уже не раз выручало его.

Лыжи слегка утопали в рыхлом снегу, но идти было легко, и киммериец спешил куда-то вдаль, изредка останавливаясь, а затем поворачивая то вправо, то влево. Почему именно туда, он не знал, но нисколько не сомневался, что идет правильно.

Он шел довольно долго, ибо буря основательно сбила его с пути и укрыла все следы. Но вот он остановился в очередной раз, и до его ушей донесся отдаленный, едва различимый крик, столь слабый, что, не обладай Конан необыкновенно чутким слухом, он ничего не услышал бы. Киммериец со всех ног бросился туда, и довольно скоро перед ним открылась небольшая поляна, лежавшая почти у подножия гор.

На поляне шла ожесточенная борьба огромного медведя и человека, и, судя по тому, что увидел Конан, человек эту битву проигрывал. Оба запыхались, из многочисленных ран струилась кровь, но если силы Ньорда явно были на исходе, то оборотень и не собирался сдаваться. Он оглушительно ревел и пытался поймать противника, чтобы переломить ему

хребет. Ньорд отпрыгнул в сторону и, с трудом шевеля рукой в изодраных в клочья доспехах из жесткой меди, выхватил серебряный кинжал, лезвие которого блеснуло в солнечных лучах. Медведь отшатнулся, прикрыв глаза лапой, и Ньорд стремительно бросился на него. Однако праздновать победу было рано. Зверь изо всех сил ударил мощной лапой по руке асира, и кинжал, описав в воздухе дугу, вонзился в снег, довольно плотно утрамбованный за время поединка. Хищник снова зарычал и одним прыжком настиг Ньорда. Не успел тот опомниться, как тяжелая туша накрыла его, когтистая лапа потянулась к горлу.

Конан размахнулся и, почти не целясь, изо всех сил метнул в монстра копье. Сверкнув холодной молнией, оно пересекло поляну и глубоко вошло зверю под лопатку. Он дернулся, и из открытой пасти потоком хлынула кровь, так что Ньорд чуть не захлебнулся ею. Киммериец подбежал к другу, сильным рывком скинул с него зверя, затем обернулся, выдернул кинжал из снега и перерезал медведю горло. Только после этого он посмотрел на асира:

– С тобой все в порядке?
– Ты был прав, – едва переводя дыхание, ответил Ньорд. – Я бы с ним не справился.
– Не надо об этом, – нахмурился Конан и вдруг воскликнул, указывая рукой на хищника:
– Смотри!

То, что происходило у них на глазах, могло привидеться разве что в самом страшном сне. Зверь лежал на спине, запрокинув голову. Неожиданно по его телу пробежала дрожь, и сквозь жуткий звериный облик начала прступать фигура человека. Прошло всего несколько мгновений, и перед изумленными друзьями возник труп старого ванира с седой всклокченной бородой. Мертвое лицо искала гrimаса ненависти.

– Так вот ты какой, – тихо проговорил Ньорд. – Но теперь все кончено. Больше ты не причинишь зла.

– Кончено?! – взвился Конан. – Старая змея сдохла, но гадючник-то цел и невредим. Надо отправиться в Ванахейм и вырезать весь этот клан. Зло надо уничтожать с корнем.

– Опомнись, Конан, – возразил Ньорд. – Там остались лить женщины и дети.
– Дети вырастут, – настаивал киммериец.
– Вот тогда и встретимся с ними. В честном бою.

Конан глубоко вздохнул, понимая, что асир прав, и стараясь унять свою горячую кровь, которая снова ударила ему в голову. Он помолчал, глядя на поверженного врага, вздохнул еще раз и протянул Ньорду руку:

– Вставай. Нас заждались дома. Ты обещал устроить пир, помнишь? Ох и напьюсь же я сегодня!

Ньорд засмеялся, медленно поднялся на ноги, оперся о плечо друга, и они неторопливо побрали домой.